

— В преддверии сезона, когда, казалось бы, все только начинается, балетная труппа Мариинского, судя по прошедшему фестивалю, в блестящей форме. Как вам такое удается?

— Этому очень способствуют гастролы. Дома, даже при большом репертуаре, мы не в состоянии полноценно использовать всех солистов. Если спектакль идет в среднем раз в два месяца, представьте, сколько должен ждать своей очереди каждый исполнитель. А на гастролях спектакль одного названия идет по нескольку раз подряд, мы можем не только привлечь всех солистов, но и опробовать разные интерпретации роли, редакции разных хореографов. От этого и танцовщики, и спектакль только выигрывают. Кроме того, в турне по 6—7 спектаклей в неделю в отличие от здешних 3-х или 4-х. Когда нормальные условия и хорошие гонорары, артисты не только не отказываются от лишних выступлений, но еще и просят их. А новые театры, новые сцены и зрители прекрасно стимулируют дисциплину и творческую собранность.

— Каким же образом удается преодолеть гастрольные перегрузки?

— Структуру гастролей сегодня диктует специфика нашего театра. Нынче он — один из лучших в мире, на Западе это хорошо понимают. Понимают они и наши проблемы. И выше нас в мире балета сегодня никто гонораров не получает. Мы не подписываем контракта, если в нем не оговорено наличие высококлассных отелей, качественного питания, комфортабельных автобусов, культурной программы. Прошли времена, когда Сол Юрок покупал нас за гроши у Госконцерта, делал маленькие подарочки артистам и все были довольны. Кировбалет теперь не возит с собой консервы, не варит картошку в номере и не выступает за 15 долларов, как это было с Колпаковой, Макаровой, Барышниковым. Теперь условия гастролей настолько хороши, что западные звезды считают весьма престижными выступления с нашей труппой. Так что 5—6 месяцев в турне — это способ создать артистам Мариинского достойную жизнь. Ведь никакими фразами о высоком искусстве не удержать человека, если ему плохо и если он видит, что где-то условия для реализации его таланта более достойные.

— Но, как я понимаю, существует вариант совмещения работы в России и за рубежом?

— Безусловно. В разумных соотношениях. Я и сам работаю и там, и здесь. Сам помогаю организовывать контракты, по которым наши лучшие танцовщики работают в лучших театрах мира. Но все до тех пор, пока неукоснительно выполняются обязательства перед родным театром. Если же нет — категорический разрыв и увольнение. Ни силой, ни уговорами никого удерживать не намерен. Однако считаю важным, чтобы программа, которой придерживается театр, давала возможность сохранить и максимально использовать труппу.

— Так что же увидят зрители в этом сезоне и в ближайшем будущем?

— В начале ноября состоится фестиваль Петипа. Мы покажем все наши балеты, основанные на его хореографии. Предполагалось приглашение других трупп — чтобы «Баядерку», к примеру, танцевали мы, потом Большой театр, потом Гранд Опера... Многие коммерческие структуры и совместные предприятия заверяли, что мечтают нас спонсировать, но как дошло до дела, никого нет. Так что мы,

видимо, ограничимся своими силами, но обязательно достойно почтим память того, кто фактически основал этот дом.

Первой премьерой сезона станет «Тщетная предосторожность» в моей версии. Она шла во многих театрах, и наконец, состоится и в Мариинском.

Возобновляется «Раймонда» Константина Сергеева. На этом настаивает Фонд Сергеева. Премьера предполагается в конце октября, мы покажем спектакль и во время фестиваля Петипа. Но в январе приступим к работе над другой постановкой «Раймонды» — Юрия Григоровича. Театр получает для этого уникальной красоты декорации и костюмы Сулико Вирсаладзе — это была его последняя работа, — но, увы, петербургский зритель всего этого не увидит. Как только начались переговоры с Григоровичем, в его адрес пошли гневные послания от Фонда Сергеева за подписью Аникушина, Лихачева, Дудинской — дескать, мы уничтожаем наследие Сергеева. Что же, раз так, — найдем другое место для показа нашей работы...

Следующая премьера — «Моя прекрасная леди» Лоу в постановке Дмитрия Брянцева. Этот спектакль, в основу которого положен удачно сделанный Александром Белинским и Брянцевым телефильм, продолжит в нашем репертуаре линию красочного постановочного представления. Кроме того, я пригласил Брянцева быть художественным руководителем нашей малой труппы. Хочется это дело развить. Молодые солисты могут там пробовать себя безгранично. У труппы есть и будут свои гастролы, свои дополнительные заработки. А Брянцев, талантливый мастер хореографической миниатюры, соберет все свои работы, сделает новые.

— А какие «заделы» на будущее таит этот сезон?

— Идет подготовка к «Бесам» по Достоевскому. Музыка написал Александр Чайковский, с которым уже сделано две работы — «Ревизор» и «Броненосец «Потемкин». Нам кажется, что время, в которое происходит действие «Бесов» и сегодняшний день имеют много общего. Никаких переключек с драматическим театром, где нынче активно инсценируют роман, не ищите ни одного спектакля я не смотрел. Думаю, что эта работа созреет к будущему сезону.

Начал готовить свою версию «Ромео и Джульетты». Спектакль этого названия, некогда поставленный Лавровским и недавно нами возобновленный, на сегодняшний день мертв. Хотя мы даже возили его за рубеж и открывали им гастролы. Но реанимировать его сейчас, наверное, невозможно. Нужно на время перевести его в резервный блок до того момента, пока он по объективным экспозиционным причинам не понадобится. Однако в этом сезоне он еще несколько раз пройдет.

Я же буду создавать свою, уже третью, сегодняшнюю версию этого балета. Первая была сочинена в начале моей балетмейстерской карьеры в Новосибирске. Позднее в Малом оперном я сделал вторую редакцию. Сейчас будет третья версия, конечно же, отличающаяся от прежних.

— Но вы как-то обмолвились еще об одной, веронской редакции!

— Да, действительно, план такой редакции родился у меня в связи с театром «Арена ди Верона». Он предполагал сенсационное, я бы сказал, участие Майкла Джексона в роли Меркуцио. Возможно, он приехал бы для осуществления этого плана и в Петербург...

НАША СЦЕНА — ВЕСЬ МИР

С главным балетмейстером Мариинского театра ОЛЕГОМ ВИНОГРАДОВЫМ беседует НОРА ПОТАПОВА

— А какие из ваших проектов и балетмейстерских работ осуществлены в последнее время? Из тех, что видит зарубежный зритель и не видим мы!

— Огромный успех, несколько неожиданно даже для меня, имел новый короткий балет на музыку Барбера «Адажио для струнных». Прекрасно танцевали Юлия Махалина и Константин Заклинский. В своем роде, Барбер был для немецких и английских зрителей сенсацией. В Германии требовали повторения балета на «бис». Забавно, но время от времени на Западе изумляются: оказывается, в Кировбалете могут быть настоящие явления в области современного танца! Они просто не знают, что у нас это было и раньше, и какого качества! Просто до недавнего времени мы находились в плену у импрессио, которые не хотели рисковать и вывозили нас только с классикой. (Хотя были счастливые исключения — «Витязь в тигровой шкуре» в Америке и в Париже, «Броненосец «Потемкин» в Париже. Бежар тогда признал, что это один из самых ярких спектаклей в его жизни.) А в целом существует стереотип представления о нашем театре у импрессио и широкой публики. Мы его пытаемся сломать. Теперь у нас такое условие: без новых спектаклей в современной стилистике на гастролы не едем.

За рубежом я ставлю много миниатюр, работая с танцовщиками разных стран. В Германии и Италии идет моя «Тщетная предосторожность», в Сеуле — «Лебединое озеро».

— Это целиком ваша постановка!

— В моей редакции идут первая и четвертая картины. Спектакль с трагическим финалом на музыку Чайковского, которая в петербургском варианте не используется. Вторая картина Льва Иванова, с фрагментами и Вагановой, и Сергеева, и с тем, что Мариинский театр исторически внес в эту картину, является шедевром, к которому не стоит притрагивать-

свою редакцию «Лебединого» я показал в последний день гастролей в Лондоне, и она вызвала большой интерес.

— А почему вы не показываете этот вариант в Петербурге?

— Я не классик. Не памятник. И Мариинский — не мой театр, это я в нем работаю. И подчиняюсь его законам сохранения наследия.

— Вы настаиваете на концепции Мариинского как театра-музея!

— Безусловно. Как в настоящем музее мы иногда меняем свою экспозицию. Какие-то спектакли уходят, какие-то возвращаются. Мы их извлекаем из «запаса», показываем, смотрим — выдержит испытание сегодняшним днем или нет. Если нет — меняем. Так с «Раймондой» Сергеева, с «Медным всадником», с «Шурале»; а «Бахчисарайский фонтан» даже собираемся везти за рубеж. Надо сказать, что такого музея, как у нас, нигде нет, почти ничего не сохранено. Так что нам есть чем гордиться.

Но это никак не мешает делать то, что мы хотим. Параллельно с музейной экспозицией у нас и Ролан Пети, и Бежар, и Роббинс и т. д.

— Но тем не менее какие-то ограничения существуют! Вы же сами об этом говорите!

— Вот когда у меня будет свой театр, там пойдут все мои балеты и абсолютно все, что я захочу. Такой театр будет, он уже строится. Не здесь, а в Нью-Йорке. Могу же я, в конце концов, показать миру свои работы в полном объеме! Иногда мне делается смешно и стыдно: когда я не работал в Мариинском-Кировском театре, я был хореографом, а теперь — стал руководителем.

Однако, создавая свой театр, я подспудно решаю и другую задачу. Где-то в глубине сознания копошится навязчивая идея: а вдруг завтра все это богатство Мариинскому никому не станет нужно? Вдруг великолепная труппа останется ни с чем?

— Вы допускаете, что этот храм рухнет!

— Не хочу допускать, но не могу отделаться от тревоги. Неизвестно, добудете вы завтра деньги или нет, удержите ли артистов. Если нет пока надежд на стабильность, нужно же иметь в мире место, где все это можно собрать, сохранить, продолжить...

А пока что театр в Нью-Йорке будет создаваться на базе Балетной Академии Вашингтона, которой я руковожу. Почему театральный центр не в Вашингтоне? Там тоже будет свой замечательный театр, его проект уже видели артисты Мариинского, когда туда приезжали. Но Вашингтон — город небольшой, хотя и столица. А нам нужен центр мирового значения, куда съезжаются артисты, зрители и знатоки со всего мира. Нью-Йорк всего в четырех часах езды от Вашингтона, так что сложностей в связи с Академией не будет. И с Петербургом связи будут прочные и постоянные, не мешающие, а только помогающие процветанию Мариинского театра.

— А как складываются сегодня отношения Мариинского и ваши лично с Вагановской Академией?

— Наилучшим образом. Игорь Дмитриевич Бельский, теперешний ее руководитель — опытный человек, хороший хореограф. Он, как мне кажется, может сделать то, что не удавалось раньше, когда Школа по уровню подготовки, по качеству педагогов постепенно скатывалась в болото. Там явно не хватало свободы взгляда на профессию, мобильности, которая требуется сегодня. Слишком

долго «раскачивались» в театре ее воспитанники. Сейчас уже кое-что меняется.

— На кого в труппе вы в этом сезоне особенно рассчитываете?

— Учитывая серьезность планов — и возобновления, и новые постановки, и гастролы — рассчитываю на всех. Правда, всех одновременно практически не собрать, но до сих пор определенное равновесие сил мне удавалось сохранить. Хороших танцовщиков много. Есть настоящие звезды. На долю Махалиной, в частности, на гастролях выпало очень большое количество спектаклей и огромнейший успех. Не участвовала в выступлениях наша другая прима Алтынай Асылмуратова. Она ждала ребенка и в Лондоне родила прелестную маленькую Анастасию. Но я уверен, что она скоро войдет в форму. Пусть только попробует не войти! В отличной форме Ольга Ченчикова. Это прекрасная балерина, настоящая звезда!

Великолепно выступает Заклинский — о нем пишут на Западе не только как о классическом герое, но и как о талантливым характерном танцовщике. Несмотря на свою творческую зрелость, Заклинский, очевидно, еще не до конца раскрыл себя, и я думаю о ролях серьезного масштаба для него. Как об одном из лучших танцовщиков, которого ждет большое будущее, писали об Игоре Зеленском. После утомительных выступлений в Японии и неудач в Лондоне, я думаю, скоро придет в норму Рузиматов. Надежная основа труппы — наша молодежь — Лежнина, Шапчиц, Иванова, Яковлев.

— Сегодняшняя двадцатипятилетняя прима-балерина Юлия Махалина еще в самом начале своей карьеры танцевала многие ведущие партии. Скажите, вы угадали эту звезду или вы считаете, что звезда воспитывается на больших партиях?

— По-разному бывает. Но эту звезду я угадал. Еще шестнадцатилетней девочкой, «влипавшей» в стенку в задних рядах школьного класса. Ее открыто готовили для кордебалета, даже не для первых линий. Я угадал ее по пропорциям, по музыкальности, по координации. Я увидел перспективу ее роста и убедился в нем, видя, как она вгрызается в работу в театре, как она не теряет ни мгновения. Сегодня она признанная в мире звезда, ей посвящены статьи и рецензии, специальные репортажи. Но она знает, что еще более молодое поколение «роет землю носом», подпирает, — это хорошо, здоровая конкуренция! — и она работает. Работает по-настоящему.

Что такое звезда? Это индивидуальное совершенство. Именно индивидуальное. Ибо объективные недостатки можно найти в любой самой знаменитой балерине. Но есть нечто индивидуальное, что заставляет зал встать и рукоплескать, что составляет блеск и неповторимость. Но этому необходимо помочь пробиться...

— Вы как-то обмолвились, что когда уйдете из театра, займетесь только рисованием. У вас во Флориде, оказывается, даже персональная выставка была. Неужели хотите покинуть театр! Ведь сочинительство танца не знает возрастных пределов!

— Да, если учесть опыт Петипа... Но иногда хочется пожить по-человечески... Однако впереди такие планы, свой театр — так что это будет не скоро!